

Эстонец Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 – май 1915)

Кайдо Яансон

Если о ком-то в течении десятилетий писалась только чепуха, то тем осторожнее и точнее надобно писать о нем в дальнейшем.* Тем более если ты сам, пусть и невольно, внес свою лепту в эту чепуху. Я говорю об Александре Кескюла.

Что касается изучения его деятельности в международном масштабе, то в первую очередь ученых привлекало имя Ленина. Из документов, касающихся или составленных Кескюла, исследователи обращали внимание только на места, связанные с вождем революции. Остальное их особенно (или вообще?) не интересовало. Ленин же являлся лишь частью интересов Александра Кескюла [далее А. К. Сам он предпочитал называть себя именно так. – К. Я.], так же как и его аналитические работы о России, как он сам писал своей дочери в марте 1961 г.¹ Можно сказать, что кинофильм Харди Вольмера «Мои Ленины» был адекватным отражением уровня исследовательских работ своего времени, т.е. 1960-х гг., на Западе.

Первой научной публикацией документов, связанных с деятельностью А. К., был сборник, составленный немецким ученым

Вернером Халвегом в 1957 г. Он включал документы, касающиеся возвращения Ленина в Россию в 1917 г.² Первые три документа сборника были связаны с Александром Кескюла, первые два – от сентября 1914 г. и третий – от 30 сентября 1915 г. Об этом документе немецкий историк Фриц Фишер писал уже сорок лет назад, что он вызвал окончательный поворот в политике кайзеровской Германии в сторону революционизации России.³

Затем следуют другие сборники, в которых Кескюла уже не упоминается. Но уже и к этому первому году относятся десятки, прямо или косвенно связанных с ним или рукой самого А. К. написанных документов – телеграмм, докладов, которые находятся в Берлине в политическом архиве министерства иностранных дел (Das Politisches Archiv des Auswärtiges Amt, PAAA). Англоязычный сборник Збигнева Земана (1958), в котором опубликованы документы начиная с 1915 г., еще беднее материалами относительно А. К.⁴ Он концентрирует внимание на Александре Гельфанд-Парвусе, который впервые появился в Берлине во время Первой мировой

* Автор выражает благодарность Ирве Пауманн и Имануэлю Гайссу, без чьей помощи и совета эта статья не была бы написана.

¹ W. Schenk. Für Kesküla war Lenin bloss eine Episode. – Max Schweitzer (Hrsg.) Zwischen Tallinn und Zürich. Schweizerisch-estnisches Lesebuch. Zürich, 2002, s. 143–144.

² W. Hahlweg. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Die deutschen Akten. Leiden, 1957.

³ Fr. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1964, s. 178.

⁴ Z. A. B. Zeman (ed.). Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, Oxford, 1958.

войны в марте 1915 г., на целых два месяца позже А. К. Семь лет спустя Земан совместно с Винфредом Шарлау выпустил монографию о Парвусе.⁵ Но к тому времени, когда Парвус явился к послу Константинополя в Германии, Ленин, реальная берлинская креатура нагнетания революционного напряжения в России, уже не был новостью для немцев. Поэтому концепция сборника, не только не является достаточной, но и вводит в заблуждение.

Контакт

Если верить послу Германии в Берне Гисберту фон Ромбергу (1866-1939), А. К. был очень осторожен, первое время он не вступал в контакт с немцами самостоятельно, а делал это через доверенное лицо (*Vertrauensmann*), которое остается неизвестным. Не исключено, что А. К. сам выступал в роли доверенного лица самого себя. Первоначально Ромберг считал его русским. На установление отношений потребовалась неделя. В понедельник, 7 сентября 1914 г. А. К. не появился в посольстве Германии впервые, как я ошибочно утверждал ранее,⁶ а лишь связался с посольством. К сожалению, эта моя ошибка в некоторой мере отразилась и в лесных сценах фильма «Мои Ленины».

В этот день Ромберг сообщил на Вильгельмштрассе, что русский, у которого есть связи с революционерами, спрашивает, согласна ли Германия вести мирные переговоры с Россией, у которой возникли внутренние трудности, и как в такой ситуации Германия относится к революционерам. «Русский» высказывал мнение, что вследствие крупных поражений возможность революции в России возрастает. Первоначально Ромберг оставил вопрос открытым и попросил у министерства иностранных дел указаний, как действовать дальше. Одновременно он проинформировал Берлин о том, что попытается выяснить, что знают руководители швейцарских русских о внутреннем положении, о видах и планах на революцию в России и как они относятся к национальному вопросу.⁷ Последнее указывает на то, что национальный вопрос рассматривался с самого начала, даже на уровне доверенного лица.

Берлин ответил в среду, дав разрешение продолжать отношения дружественно, но осторожно. Отвечал заместитель министра иностранных дел Артур Циммерманн⁸, бывший министром иностранных дел кайзеровской Германии с ноября 1916-го по август 1917 г., человек, которого Фриц Фишер называл автором политики революционизирования.⁹

⁵ Z. Zeman, W. Scharlau. *The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus)*. London, 1965.

⁶ K. Jaanson. See kummaline eestlane. – *Looming* 1990, nr. 7, lk. 956–957. В беседе А. К. и Ромберга еще не могло отразиться то, что прибывший в Берн Ленин через несколько дней читал в лесу недалеко от Берна 8-9 большевикам свои тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». В этих тезисах определялась политика РСДРП(б) в обстановке войны. Ленин утверждал: «С точки зрения всех масс рабочего класса всех народов России наименьшим грехом было бы поражение царской монархии и ее армии, которые подавляют Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигают национальную рознь для того, чтобы усилить давление на другие народы со стороны великороссов и укрепить реакционное и варварское правление царской монархии». (см. V. I. Lenin. *Revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia ülesanded Euroopa sõjas*. – Teosed. 21. kd. Tallinn, 1953, lk. 3–4.)

⁷ W. Hahlweg. *Lenins Rückkehr...*, s. 39.

⁸ Там же. Документ датирован в публикации 9 декабря, что, по-видимому, ошибочно; логично, что это было до 9 сентября. Есть ли ошибка в оригинале или она закралась при печатании, не знаю. Внешней политикой кайзеровской Германии официально руководил государственный канцлер, которым до июля 1917 г. был Теобальд фон Бетманн-Хольвег (1856–1921). В действительности же внешнюю политику направлял все же государственный секретарь (*Staatssekretär*) Готтлиб фон Ягов (1863–1935), его должность я называю в этой статье для ясности министром иностранных дел. Артур Циммерманн (1864–1949) был до ноября 1916 г. заместителем министра (*Unterstaatssekretär*), а затем сам стал министром иностранных дел.

⁹ Fr. Fischer. *Griff...*, s. 141–142.

Видимо, А. К. узнал об этом уже на следующий день, т.к. 10 сентября он написал письмо немецкому правительству, к которому обратился, по его словам, во имя защиты прав эстонского населения. Поскольку Россия, намекая на возможную аннексию Эстонии, агитирует и готовит ее население к войне с немецкой оккупационной армией, он, ради ведения самостоятельной реалистической политики (*Realpolitik*), желал получить информацию о том, каковы настоящие планы германского правительства.

В качестве территории Эстонии А. К. называл Эстляндскую и Лифляндскую губернии и Ингерманландию (Санкт-Петербургскую губернию).¹⁰ Относительно Эстонии он утверждал, что там проводится подготовка к движению, которое в какой-то мере ставит целью объединение со Швецией, и желал знать, при каких условиях правительство Германии готово это поддержать и признать.¹¹

Первая встреча А. К. с Ромбергом, видимо, состоялась в субботу, 12 сентября, как считал и Олави Аренс.¹² Этим днем датировано письмо посла государственному канцлеру фон Бетманн Хольвегу, в котором он описывает свою встречу с Александром Кескюла, теперь уже называя его эстонцем. Посол констатирует, что тот произвел впечатление разумного человека и что при определенных условиях он может оказать выгодные услуги.

А. К. выступал с открытыми картами: он сообщил Ромбергу, что эстонское население боится аннексии со стороны Германии, т.к. это усилит власть опостылевшего остзей-

ского дворянства и поставит под угрозу национальные устремления эстонцев, может быть даже больше, нежели правительство России – страх, который угнетал политиков Эстонии еще и четверть века спустя. Если же Германия выступит в поддержку объединения Эстонии со Швецией, то при вступлении немецкой армии эстонский народ встанет как один и сможет оказать ей значительную помощь. А. К. выразил желание отправиться в Швецию, чтобы оттуда развивать пропаганду среди своих соотечественников. Ромберг был готов поддержать его, но ждал от Берлина соответствующего распоряжения.¹³

Их встреча состоялась, по-видимому, в посольстве Германии в Берне (это здание сохранилось, сейчас там находится посольство Федеративной Республики Германии). Посольство России находилось неподалеку, за углом (и советское и царской России посольства находились в одном и том же здании). Только для того, чтобы попасть в российское посольство, надо было пройти мимо германского, а не наоборот.

Берлин отнесся к делу серьезно. 19 сентября телеграмма за подписью Циммерманна сообщала, что Германия не собирается аннексировать Эстонию, и советовала подбодрить поручителя (*Gewährsmann*)¹⁴ в направлении пропаганды.¹⁵ Учитывая положение вещей на тот момент, обещание заместителя министра иностранных дел было, может быть, даже искренним, но дальнейшая деятельность А. К. косвенно способствовала тому, что позже могла быть запланирована и реализована оккупация Эстонии.

¹⁰ В исторической перспективе мечта А. К. об Ингерманландии не была ничем большим, чем надежды Эстонии на восстановление границ Тартуского мира в 1991-1994 гг. Кстати, на опубликованной Александром Кескюла 19 декабря 1917 г. в «Aftontidningen» возможной карте Эстонии территория эстонцев намного меньше, чем в вышедшей два года спустя книге Михкеля Мартна «Estland, die Esten und die estnische Frage» (Olten, 1919).

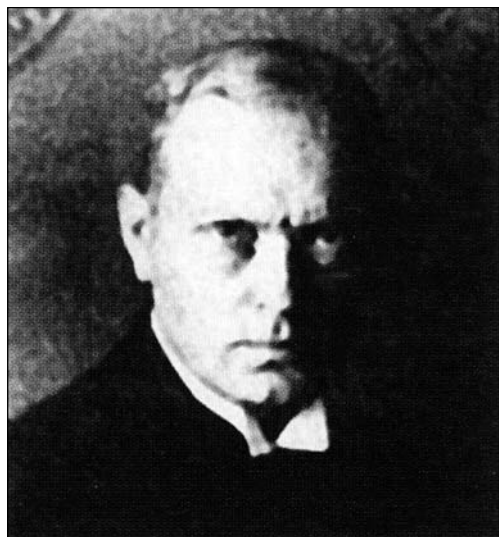
¹¹ Das Politisches Archiv des Auswärtiges Amt (PAAA), Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelingen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen vom August 1914 bis 30. September 1914. Wk, 11c, secr. Bd. 1, Bl. 113.

¹² O. Arens. Aleksander Kesküla. – Eesti TA Toimetised. Ühiskonnateadused. 1991, 40, 1, lk. 30.

¹³ PAAA, Wk, 11c secr. Bd. 1, S. 112; там же, Secret 11, Varia III, 1, Kesküla und russische revol. Propaganda (K.R.), Bl. 248635–248638.

¹⁴ Поручитель, авторитетное лицо, авторитет. В проекте телеграммы было поначалу и слово *экстра*, позже вычеркнутое.

¹⁵ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248639.

Александр Кескюла

За Эстонию

Как утверждал А. К., он предпринял шаги для защиты интересов эстонцев. Ему можно и даже нужно верить. То, что Эстонию, вернее, интересы эстонцев, надо было защищать, следует из различных планов остзейских немцев, сохранившихся в архиве министерства иностранных дел Германии. Не ставя перед собой задачу дать полный обзор этих документов, констатирую, во-первых, что количество касающихся Прибалтики материалов периода конца кайзеровской Германии и начала Веймарской Республики в архиве министерства иностранных дел Германии огромно. Только по Эстонии и Латвии – 62 единицы хранения, а по Литве – 52. Итого, по сегодняшним государствам Балтии вместе – 114. Для сравнения можно привести следующий пример: содержательная монография финна Сеппо Зеттерберга о Лиге инородческих народов России в основной своей

части опирается на материалы РААА.¹⁶ Соответствующих дел по материалам состоявшегося в Лозанне III Народного конгресса о Лиге инородческих народов России в архиве лишь дюжина.

Поскольку это не главная для меня тема, ограничусь здесь лишь ссылкой на пару документов начала Первой мировой войны, которые практически случайно попались мне на глаза. Первые идеи о Балтийских губерниях рассматривались в том же сентябре месяце, если не раньше. Так например, мюнхенский поверенный Вильгельм фон Шоэн информировал государственного канцлера о своей беседе с финским политиком Йонасом Кастреном. Последнему привиделось будущее, в котором европейская часть России разгромлена и образовался заградительный вал из ряда более-менее самостоятельных государств: Польского королевства, автономных Балтийских стран и Финляндии.¹⁷ 18 сентября государственный канцлер получил письмо, которое призывало не забывать о балтийцах, о воссоединении которых с Германией мечтал еще Бисмарк.¹⁸ Приложение к письму, носившее название «Ценность Балтийских провинций для Германии», было составлено после беседы в генеральном штабе и по желанию заместителя начальника генерального штаба. В приложении утверждалось: «Германизировать народ просто. Поскольку ни у эстонцев, ни у латышей нет своей культуры. Опыт показывает, что как только эстонец или латыш примет немецкую культуру, он легко теряет связь со своими собратьями и тем самым онемечивается. Особого внимания заслуживает тот факт, что эстонцы и латыши не тот народ, который размножается».¹⁹

На фоне таких планов письмо А. К. было попыткой защитить национальные интересы Эстонии, а не предложением услуг Германии.

¹⁶ S. Zetterberg. Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg. – Studia historica 8. Helsinki, 1978, s. 10–11.

¹⁷ РААА, Wk, 11c secr. Bd. 1, Bl. 119.

¹⁸ Там же, с. 141–144.

¹⁹ РААА, Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen von 1. Oktober 1914 bis 31. Oktober 1914. Wk, 11c, secr. Bd. 2, Bl. 40–42.

Можно сказать, что эстонец сделал это, подобно финнам и прибалтийским немцам, связывавшимся с Берлином ради защиты своих национальных интересов.

Теобальд фон Бетманн Хольвег (1856–1921)

К моменту, когда на арену вышел А. К., первые два сражения, определившие ход Первой мировой войны, уже были закончены или как раз проходили. Первое из них, Танненбергское сражение, проходило в последние дни августа и завершилось окружением 2-й российской армии. Погибшими и ранеными русские потеряли 50 000 человек, 92 000 попало в плен. Генерал Самсонов покончил жизнь самоубийством. «Танненберг был для царской армии началом долгой агонии, которая закончилась в 1917 г. ее полным крахом», — отмечает Джон Киган.²⁰

В тот же день, когда А. К. вступил в контакт с Ромбергом, на западном фронте проходило сражение при Марне. По плану фон Шлиффена, решающая схватка на фронте должна была состояться между 35-м и 40-м днями войны, т.е. от 4 до 9 сентября. «Результат этого сражения должен был решить все». Но к среде, 9 сентября, основной удар, который должен был закончить войну на Западе победой немцев, провалился, и немецкая армия стала отступать.²¹

Последовало общее наступление западных стран по всему фронту от Парижа до Вердена, которое продолжилось до субботы 12 сентября, когда французские и британские соединения заставили немецкие войска отступить. План Шлиффена провалился. На повестку дня встала необходимость заключения сепаратного мира все равно с кем из про-

тивников, чтобы сосредоточиться на борьбе с оставшимися.²² Стало понятно, что война затягивается.

Между прочим, Кескюла выступил на арену как раз вовремя, если посмотреть с другой стороны. А может быть даже на миг раньше? Всего двумя днями позже, в составленной 9 сентября программе, Бетманн подчеркивал, что Россию надо отодвинуть как можно дальше от границ Германии и сломить ее власть над нерусскими вассалами.²³

Поездка в Швецию

Заручившись поддержкой Циммермана, Кескюла стал готовиться к поездке в Швецию. Той же осенью он взял освобождение в Бернском университете.²⁴ 24 сентября Ромберг проинформировал Берлин о том, что А. К. предоставил ему дополнительную конфиденциальную информацию о своем прошлом, которая дает основания предполагать, что он имеет значительное влияние на своих сограждан. А. К. выразил желание поехать в Швецию, если ему будет гарантирована поездка туда и обратно и будет предоставлено скромное пособие для этого.²⁵ Получив от Берлина разрешение, пятью днями позже Ромберг послал телеграфом шифровку, что А. К. отправляется 1 октября в Стокгольм через Линдау, попросив проинформировать пограничников и посольство в Стокгольме.²⁶ Но этот план не осуществился, т.к. еще 1 октября немецкое посольство подтвердило, что А. К. может ехать в Швецию через Германию по паспорту, выданному Российским посольством в Берне.²⁷ И 3 октября Ромберг информировал Берлин, что А. К. сообщил, что выезжает

²⁰ J. Keegan. *Esimene maailmasõda*. Tallinn, 2002, lk. 151–153.

²¹ Там же, lk. 117–125.

²² G. Katkov (with the assistance of Michael Futrell). *German Political Intervention in Russia during World War I. — Revolutionary Russia* (Ed. by Richard Pipes). 1968, p. 69–70.

²³ F. Fischer. *Griff...*, p. 116–117.

²⁴ W. Gautschi. *Lenin als Emigrant in der Schweiz*. Zürich, 1973, s. 325.

²⁵ PAAA, Wk, 11c secr., Bd. 1, Bl. 131.

²⁶ PAAA, Wk, 11c secr., Bd. 1, Bl. 151.

²⁷ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248645.

из Цюриха в Стокгольм в тот же день по запланированному маршруту.²⁸

Но и этот план не был выполнен, т.к. 5 октября А. К. отправил Ромбергу из Цюриха с Предигерплатс открытку с сообщением, что отъезд «завтра в 2 ч. 55».²⁹ Поэтому совершенно неверно утверждение Поссоны, что уже 1 октября А. К. был на пути в Швецию.³⁰ Точность и детальность в данном случае – не только буквоедство. Неважно, состоялся отъезд в ночь на 6 октября или в этот день после обеда, предположение Олави Аренса, что единственная встреча А. К. с Лениным состоялась 6 октября верным быть не может. «Встреча состоялась меньше чем через месяц после первого визита Кескюла в немецкое посольство и именно перед первой поездкой Кескюла в Швецию».³¹ По-видимому, точнее всего то, что А. К. сказал Футреллу, что его единственная встреча с Лениным состоялась или в конце сентября или в начале октября 1914 г.³² На это указывает и описанная выше неразбериха с отъездом и его затягивание.

Если относительно отъезда существуют разногласия, то конечная часть путешествия и прибытие в Стокгольм описаны точно: маршрут действительно проходил через Линдау, откуда А. К. мог без всяких формальностей ехать дальше, через Мюнхен и Берлин в Засниц, куда он прибыл 10 октября. По дороге в Стокгольм в Берлине А. К. встретился с лауреатом Нобелев-

ской премии 1909 г. химиком Вильгельмом Оствальдом, который окончил Тартуский университет в 1875 г. В беседе Оствальд выяснил, что их мнения относительно Балтийских государств одинаковы. А. К. согласился с Оствальдом, что ненависть к немцам у местного населения Балтики равносильна самоубийству.³³ К сожалению, из письма не ясно, была ли это их первая встреча или они были знакомы раньше. Ясно только, что не Оствальд разыскал Кескюла, а наоборот. Следовательно, эта встреча и беседа должны были состояться в промежутке с 7 по 9 октября.

В Стокгольм эстонец прибыл в понедельник 11 октября и сразу же представился в немецком посольстве.³⁴ Поселился он по адресу: Agnegatan 7 III. b/Plazikovski.³⁵

В Швеции

Свою роль во внешней политике имперской Германии играла, конечно, и Швеция. В 1910 г. Берлин пытался заключить со Стокгольмом договор о совместной защите от России. Но эта роль была периферийной. Переговоры по оборонному договору в принципе остались незаконченными и не имели результата.³⁶ Ничто не указывает и на то, что Берлин оказывал какое-либо давление на Стокгольм в начале войны, чтобы тот также объявил войну России.³⁷ Отношения

²⁸ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 2.

²⁹ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248647.

³⁰ S. T. Possony. Lenin. The Compulsive Revolutionary. Chicago, 1964, p. 175. Следовательно, неверно и утверждение Поссоны, что встреча А. К. и Ленина могла произойти только в сентябре. С другой стороны, Поссоны утверждает, что 25 марта 1915 г. А. К. сообщал, что идет встречаться с Лениным (с. 177). К сожалению, проверить это утверждение невозможно, поскольку ссылок на архивы у него очень мало.

³¹ O. Arens. Aleksander Kesküla, lk. 31.

³² M. Futrell. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1863–1917, London, 1963, p. 145.

³³ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 9–10.

³⁴ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248649.

³⁵ Там же, Bl. 248648. PAAA, Auswärtiges Amt. Geheime Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen. Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 44.

³⁶ W. M. Carlgren. Neutralität oder Allianz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des ersten Weltkrieges. – Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm, 1962, s. 11–25.

³⁷ Там же, s. 37–39.

не изменились и в первые месяцы войны. Усилия Берлина в Стокгольме были довольно слабыми по сравнению с Константинополем, Бухарестом или Римом.³⁸ 11 сентября и министр иностранных дел фон Ягов и начальник генерального штаба Мольтке придерживались мнения, что война против России была бы для Швеции опасна. В то же время в сентябре министр иностранных дел посчитал необходимым, чтобы посол начал добиваться вмешательства Швеции в войну.³⁹

Однако руководство Швеции по вопросам внешней политики твердо придерживалось политики сохранения нейтралитета.⁴⁰ Одновременно пришли к выводу, что война, которая ведется под руководством Германии против России, полезна для Швеции.⁴¹ Вступление Швеции в войну на стороне Германии против России поддерживали только так называемые активисты.⁴² В Швеции в связи с войной сразу обратили внимание на проблемы иноземельцев в России.⁴³

В этом смысле характеристика, данная А. К. Швеции и шведам в первом письме из Стокгольма, довольно точна: их симпатии к Германии достаточно теплые, но все-таки скорее платонические. Он считал, что, в отличие от мании величия греков, сербов и других, большинство населения Швеции страдает духовным состоянием микромании: «Недооценка своих возможностей смешна».⁴⁴ И все же большая часть его первого письма была посвящена России.⁴⁵

Россия I: 22 октября 1914 г.

Он писал, что Россия делает энергичные потуги, чтобы перетянуть финнов на свою сторону, в чем уже достаточно преуспела. Русские вообще поняли значимость национального фактора в ходе настоящей войны, – добавил он в скобках. В связи с этим А. К. обратился к проблемам демократической и национальной оппозиций.⁴⁶ Он выразил сожаление, что был искренним, когда высказывал мало надежд относительно русской демократической оппозиции (создается впечатление, что он полемизирует с фон Ромбергом). Фактически дело обстоит хуже, нежели он предполагал. Процесс патриотизации неудержимо развивается, и уже невозможно говорить о демократической оппозиции в России, «по крайней мере о такой, которая имела бы практическое значение». Русская демократическая оппозиция не имеет ничего против того, чтобы родина потерпела «небольшое [подчеркнуто А. К. – К. Я.] поражение», поскольку оно поколебало бы ненавистное правительство, только если оно (поражение) не подвергнет опасности позицию России как мировой державы. Русские хорошо знают, что тяжелое поражение России означает постановку национального вопроса, но это у России, как мировой державы, «Ахиллесова пята». «Поставленная перед выбором, потерять ли кнут вместе с Черным и Балтийским морями, русская демократия восторженно поддерживает кнут. Она со всей решимос-

³⁸ Там же, s. 55.

³⁹ Там же, s. 57–58, 61–62.

⁴⁰ Там же, s. 35–36.

⁴¹ E. Palmstierna. Orostid I. 1914–1916. Politiska dagboksanteckningar. Stockholm, 1952, s. 52, 75.

⁴² I. Schubert. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Die Aktivistebewegung 1914–1918. Bonner Historische Forschungen. Band 46. Bonn, 1981. Активистами в шведско й политической истории называют тех, кто во время Первой мировой войны были сторонниками активной внешней политики, в 1915–1916 гг. Это состояло в том, чтобы поддерживать вступление Швеции в войну на стороне Германии, а в 1917–1918 гг. – в поддержке белофиннов.

⁴³ De främmande nationaliteterna i Ryssland och kriget. – Svensk Tidskrift 1914, s. 553–562.

⁴⁴ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248649–248650.

⁴⁵ Там же, Bl. 248650–248654.

⁴⁶ Подчеркну, что эта тема обсуждалась еще в Берне, она не впервые поднималась теперь, во второй половине октября, как следует из работы: S. T. Possony. Lenin, lk. 176 . Кстати, в тот же день, 22 октября, Ленин выступал в Цюрихе в обществе «Eintracht» перед русскими эмигрантами с речью «Война и социал-демократия», в которой декларировал, что «Россию следует ампутировать...» (W. Gautschi. Lenin als..., s. 103–104).

тью поворачивается против национальных революций и клятвенно обещает угнетенным народам социальную революцию, которая должна принести им и национальное освобождение». До тех же пор эти народы должны бороться с немцами и австрийцами, мириться с кнутом и удовлетворяться надеждой на социальную революцию, которая с помощью русской демократии когда-нибудь непременно свершится. Больше всего русская демократия боится торговых договоров, которые без потери единого метра земли могут превратить Россию в капиталистическую колонию Германии.

В ходе войны активная оппозиция русской демократии обратно пропорциональна победам Германии и Австрии; активная национальная оппозиция же находится в прямой пропорции с поражением России и наоборот; национальная оппозиция и русская демократическая оппозиция находятся в отношениях обратной пропорциональности друг с другом.

Конкретно: в начале войны революционная оппозиция сохраняла свою традиционную антиправительственную позу. Однако, в ходе войны, особенно после поражений России, она начинает активно поддерживать правительство. Напротив, национальная оппозиция, в начале слабая и несмелая, растет с поражениями России, делается смелее и активнее, чтобы в тот момент, когда русская демократия в особо критический для России период полностью перейдет в патриотический лагерь, вызвать национальные революции против великорусской державы. «Если так, то лишь оппозиция российских национальностей – верный союзник Германии и Австро-Венгрии в изнурительной и разрушительной войне» [все подчеркивания сделаны кем-то другим, не А. К. – К. Я.]. Из этого А. К. делает вывод, что ответом Германии и Австрии должно быть планомерное этнографи-

ческое разрушение России. Он считал, что этим тема русской демократии окончательно исчерпана; однако с другой стороны подчеркнул, что не может достаточно убедительно углубляться в этнографическую проблему России, изъявляя надежду, что события еще не раз дадут ему возможность возвратиться к данной теме.⁴⁷

Вильгельм Оствальд (1853–1932)

В Берлине все же рассчитывали на возможное вступление Швеции в войну, это явствует не только из вышеупомянутой инструкции министра иностранных дел послу. Как утверждает шведский историк Карлгрен, в октябре 1914 г., по заданию Ягова и Циммерманна, в Стокгольм направился всемирно известный химик Вильгельм Оствальд – единственный Нобелевский лауреат в Прибалтике, родившийся в Риге, учившийся и работавший в Тарту. В Швеции в частных беседах и в печати он выражал идеи союза Северных стран во главе со Швецией.⁴⁸ Фактически идею поездки в Скандинавию предложил министерству иностранных дел сам Оствальд 22 сентября. Министерство думало три недели и ответило 13 октября.⁴⁹ В этот же день ученый написал заместителю министра иностранных дел Циммерманну новое письмо, попросив помощи последнего для получения стокгольмского адреса Александра Кескюла. В сложившейся ситуации он хотел продолжить дискуссию, начатую с эстонцем в Берлине.⁵⁰

Оствальд выехал из Берлина в Стокгольм утром 16 октября.⁵¹ По возвращении ученый подготовил основательный доклад о своем путешествии, датированный 2 ноября в Гроссботене и отосланный Циммерманну 3 ноября: более сорока страниц большого формата машинописного текста, очень

⁴⁷ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248651–248654.

⁴⁸ W. M. Carlgren. Neutralität oder Allianz, s. 64.

⁴⁹ K. Hansel. Ostwald als «intellektueller Kriegsfreiwilliger». – Mitteilungen der Wilhel-Ostwald-Gesellschaft zu Grossbothen e.V. 2002, Heft 3, s. 26–27, 38.

⁵⁰ PAAA. Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 9–10.

⁵¹ Там же, Bl. 59.

основательное описание, с выписанными до нюансов деталями происходящего.⁵² В сравнении с этим докладом глава «Мировая война и революция» из третьего тома «Линий жизни» Оствальда крайне скудна, (всего 17 страниц!), и не упоминает ни словом о его поездке в Стокгольм. Одно только описание встречи с эстонцем в докладе длиннее, нежели вся военная часть воспоминаний.⁵³

Среди тех, с кем встречался Оствальд, были: его коллега, также нобелевский лауреат, Сванте Аррхениус, археолог Оскар Монтелиус, астроном, политик, социал-демократ Яльмар Брантинг и другие. Последнему он обрисовал перспективу создания организации Балтийских государств под руководством и эгидой Швеции, которую, в тесном сотрудничестве с Германией и Центральной Европой, ждет такой же блистательный подъем, какой проделал немецкий народ за последние сорок лет. Брантинг обещал подумать об этом.⁵⁴

Когда 27 октября, в полдень, Оствальд сообщил немецкому послу, что собирается вечером уезжать, посол позвонил ему и сказал, что эстонец Александр Кескюла дал о себе знать и что у них есть возможность побеседовать. На предложение Оствальда, что А. К. мог бы навестить его в «Гранд Отеле», посол сказал, что поскольку отель является штаб-квартирой русской и немецкой шпионской системы, то встреча могла бы состояться в его квартире. Так и произошло. Их беседа продолжалась недолго и, как пишет Оствальд, из-за присутствия третьего лица, ограничилась довольно общими высказываниями.⁵⁵ При желании можно вычитать из слов Оствальда большое сожаление о несостоявшейся более основательной беседе с эстонцем с глазу на глаз. Невзирая на это,

мнение Оствальда о Кескюла и его оценка эстонца были несомненно положительными. Оствальд был уверен, что А. К. действует по идейным соображениям и свободен от мелочного честолюбия, что он руководствуется объективными и национальными мотивами, радея о культурном развитии своего народа. Он считал, что с А. К. желательно находиться в контакте и необходимо считаться.⁵⁶

А. К. описывал воспоминания эстонцев о старом добром шведском времени, которые немец назвал сказочными. Эстонец выразил мнение, что опираясь на них, нетрудно будет поднять эстонский народ против России с перспективой на более тесное объединение со Швецией. Он допускал у эстонцев сильный гнев на немецкое высшее сословие, но считал, что этот гнев не так силен, как гнев на русских, и к тому же устраним, если дать эстонцам в Ингерманландии утолить свою жажду земли. В интересах своего народа А. К. считал, что немецкое население на его родине необходимо сохранить, т. к. эстонцы еще не способны выполнять организаторские сельскохозяйственные и технические работы, которые выполняли немцы. Он считал, что, преобразовав политические отношения и пойдя на уступки эстонцам в правах на самоуправление и язык, можно преодолеть раскол между эстонцами и немцами и установить между ними хорошие отношения.⁵⁷

А. К. считал виды на революционное движение благоприятными для Эстляндской губернии и населенной эстонцами Северной Лифляндии, но совершенно не благоприятными для Южной Лифляндии и Курляндии, где проживали латыши. Они, якобы, уже полностью охвачены идеей великого славянства, чувствуют себя принадлежащими

⁵² Там же, Bl. 58–99.

⁵³ W. Ostwald. Lebenslinien. Eine Selbstbiografie. Dritter Teil. Gross-Bothen und die Welt, 1905–1927. Berlin, 1927, s. 336–352.

⁵⁴ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 78–79. Для другого социал-демократа, Эрика Палмстиерна, идея Оствальда была неприемлема, поскольку в таком случае Швеция, с ее быстрым экономическим развитием и успешной политикой в отношении России, оказалась бы в зависимости от торговой политики Германии (E. Palmstierna. Orostid, s. 75–76). О Северном союзе той осенью говорили и другие деятели рабочего движения Скандинавии (см. F. Ström. I störmig tid. Memoarer. Stockholm, 1942, s. 29–31, 36).

⁵⁵ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 94–95.

⁵⁶ Там же, Bl. 97–98.

⁵⁷ Там же, Bl. 95–97.

к русским и полны ненависти к своим немецким соотечественникам. Она происходит не от того, что к ним относятся хуже, чем к эстонцам, скорее наоборот. А. К. видел корни этой неприязни в своеобразии характера латышей.

К сожалению, из доклада Оствальда не ясно, упоминали ли они Тарту, где Оствальд учился и работал с 1872 по 1881 гг.⁵⁸

А. К. дал оценку визиту Оствальда в письме Ромбергу, посланном в начале следующего года из Берлина. Отметив необходимость обострения русско-шведских отношений, он делает вывод, что в этом вопросе Оствальд ничего «[...] для нас еще не сделал. Его имя надо теперь использовать в России в полной мере, с его (помощью) или без его помощи. Возможно, когда-нибудь он еще станет почетным доктором Тартуского университета...»⁵⁹ [Многоточие от А. К. – К. Я.]

Это все, что удалось узнать о связях А. К. и Оствальда. О встрече 27 октября уже писал Сеппо Зеттерберг.⁶⁰ То, что А. К. и Оствальд встречались и раньше, я обнаружил в 2002 г. в Берлине. Запрос в Гроссботен обо всех возможных именах Кескюла не дал результатов: никаких данных о нашем соотечественнике у них нет.⁶¹ Также невозможно достоверно утверждать, кому из них принадлежит идея объединения малых балтийских народов. То, что у А. К. было такое мнение уже в начале сентября 1914 г., подтверждают документы. Мысли, высказанные Оствальдом в Стокгольме, были самостоятельными, А. К. ему их не подсказывал (если не считать их предыду-

щую встречу в Берлине), т.к. в Швеции они встретились лишь перед отъездом Оствальда. Вряд ли А. К. до этого специально скрывался. Думается, что мы действительно имеем дело с единомышленниками.

Финляндия

За Швецией, с точки зрения Берлина, шла Финляндия, как в географическом, так и в духовном смысле. Финляндия же была в глазах Берлина и приманкой, чтобы втянуть Швецию в войну с Россией и этим облегчить нагрузку Германии на восточном фронте.⁶² Докторская диссертация Осмо Апуна «Suomi keisarillisen Saksan politiikasse 1914–1915», защищенная им в Хельсинки в 1968 г., в печать не попала⁶³ (что можно понять). Книга Дитера Аспельмайера⁶⁴ довольно конспективна, и в плане начала Первой мировой войны особенно скудна. Но о чем-то говорит и то обстоятельство, что одним из трех членов немецко-финского комитета, созданного в январе 1915 г., являлся капитан генерального штаба Рудольф Надолни, который был к тому же и начальником отдела III b при этом штабе (о чем ниже еще пойдет речь).⁶⁵ В отношении Финляндии, вернее, финнов, А. К. подтвердил Оствальду то же, что тот уже слышал от шведского профессора Понтуса Фальбека, – что никакого спонтанного выступления финнов с целью отделения от России в то время «невозможно еще ожидать».⁶⁶

⁵⁸ W. Ostwald. Lebenslinien. Eine Selbstbiografie. Erster Teil. Riga-Dorpat-Riga, 1853–1887. Berlin, 1926, s. 73–168; Н. И. Родный, Ю. И. Соловьев. Вильгельм Оствальд. 1853–1932. Москва, 1969, s. 13–27; Mitteilungen der Wilhel-Ostwald-Gesellschaft zu Grossbothen e.V. 2002, Sonderheft 9, s. 25.

⁵⁹ PAAA, Auswärtiges Amt. Geheime Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen. Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 92.

⁶⁰ S. Zetterberg. Die Liga..., s. 54

⁶¹ Электронное письмо К. Ханселя Х. Танклеру от 28 февраля 2003.

⁶² M. Herold. Finnland in der deutschen Aussenpolitik während des Ersten Weltkrieges. Schriftliche Hausarbeit im Rahmen der Ersten Staatsprüfung für das Lehramt für die Sekundarstufe II dem Staatlichen Prüfungsamt Köln. Bonn, 1997 (*käsikiri*), s. 94.

⁶³ Там же, s. 8.

⁶⁴ D. Aspelmeier. Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. – Schriften aus dem Finnland-Institut in Köln. Hamburg-Volksdorf, Verlag Christoph von der Ropp, 1967.

⁶⁶ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 86, 97. В январе 1915 г. шведский политик, социал-демократ Эрик Палмстиерна в своем дневнике также выражал сожаление по поводу разобщенности Финляндии в отношении к этой проблеме и сомневался в возможности антироссийского выступления (E. Palmstierna, Orostid, s. 90).

Поэтому нельзя было сидеть сложа руки. Или, наоборот, именно поэтому и надо было действовать? «В Берлине же о положении в Финляндии были едва информированы» —, утверждает Мартин Херольд. Поэтому пытались найти помощь среди финских эмигрантов. В середине сентября в Берлин из Рима был вызван ученый Херманн Гуммерус, швед финского происхождения, и в начале следующего месяца министерство иностранных дел направило его в Финляндию, откуда он вернулся примерно через месяц. Его доклад призывал к осторожности.⁶⁷

Незвирая на это, Фредерик (Фриц) Веттерхофф и Йоханнес Сундвалль создали в конце ноября финское бюро, и в декабре Гуммерус отправился из Берлина в Стокгольм.⁶⁸ На доме, в котором он в дальнейшем находился, теперь висит памятная доска, и Гуммеруса не считают (да и сам он себя не считал) немецким агентом.

Александр Шляпников (1885–1937)

Во время Первой мировой войны Стокгольм был важным звеном в цепи, по которой Ленин поддерживал связь с Петроградом и родиной. Руководил этим звеном Александр Шляпников (под именем Александр Беленин), прибывший в Стокгольм почти в одно

время с Кескюла, в начале октября 1914 г. Ленин, живший в Берне, получил от Шляпникова письмо, что тот прибыл в Стокгольм 11 октября для организации связи центрального комитета с Россией.⁶⁹

В дальнейшем Ленин и Шляпников состояли в оживленной переписке. По данным биографической хроники Ленина, до декабря 1914 г., когда Шляпников уехал в Копенгаген, они обменялись 13 письмами, из них 7 написал Шляпников Ленину и 6 — Ленин Шляпникову. Эти письма содержали обзор положения в России, в них Ленин давал Шляпникову рекомендации по организации через Стокгольм в Россию транспорта для «отправки писем (1), людей (2) и литературы (3)». Через Шляпникова передавались письма Ленина делегатам Думы от большевиков.⁷⁰ Едва Шляпников отбыл из Стокгольма в Копенгаген, как Ленин и туда направил запрос о состоянии нелегальных связей с Петроградом, а Шляпников проинформировал его в декабре из столицы Дании о связях с Россией.⁷¹

Тезисы о войне, которые Ленин читал в начале сентября в лесу Бремгартен близ Берна и у себя дома, прибыли в Россию очень быстро: через три недели⁷² или даже через неделю, потому что Шляпников пишет о конце августа (по Юлианскому календарю)⁷³, а 11 октября их содержание уже было передано

⁶⁷ M. Herold. Finland in..., s. 20–21.

⁶⁸ Там же, s. 21–23.

⁶⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Том 3. 1912–1917. Москва, 1972, с. 285. Родившийся в старообрядческой семье на три года раньше Кескюла, Александр Шляпников стал членом РСДРП в 1901 г. Беленина — девичья фамилия его матери. (А. Шляпников. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Том 1: Канун семнадцатого года, Москва, 1992, с. 5–6). В 1916–1917 гг. он вместе с совсем юным Вячеславом Молотовым входил в Петрограде в бюро ЦК и в марте 1917 г. боролся с вернувшимися с поселения Иосифом Сталиным и Львом Каменевым (А. Шляпников. Канун семнадцатого года, с. 129, 131, 444–445). Он же встречал вернувшегося из эмиграции Ленина (Н. Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 3–4. Москва, 1991, с. 6). Ослабление его позиций началось в 1921–1922 гг., когда он был одним из лидеров так называемой рабочей оппозиции, и Ленин требовал исключить его из ЦК большевистской партии. В 1933 г. Шляпникова исключили из партии, весной 1935 г. отдали под суд, он получил пять лет и был сослан в Астраханскую губернию. Через два года состоялся новый суд, его приговорили к смерти за контрреволюционную деятельность и расстреляли в ночь на 3 сентября 1937 г. (А. Шляпников. Канун семнадцатого года, с. 5, 16–17, 24, 25).

⁷⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, с. 287–288, 290–292, 294–295, 299–302.

⁷¹ Там же, с. 304–305.

⁷² Е. Г. Темкин. Бернская конференция заграничной секции РСДРП (1915 г.). Москва, 1961, с. 11.

⁷³ А. Шляпников. Канун семнадцатого года, с. 61.

через Россию стокгольмским большевиком.⁷⁴

Не исключено, что А. К. имел представление о тех письмах, которые Ленин посылал Шляпникову, по крайней мере, с октября по ноябрь. В середине ноября 1914 г. в Швеции была арестована и в конце месяца выслана из страны русская революционерка Александра Коллонтай.⁷⁵ До этого Яков Богровский, роль которого основательно описана Футреллем, успел познакомить ее с Александром Кескюла.⁷⁷ Богровский же свел Кескюла с датским социалистом Альфредом Крузе, который был тесно связан с большевиками.⁷⁸ Богровский был секретарем большевистской группы. В отсутствие Шляпникова забота о подпольном транспорте в Россию и из России ложилась на его плечи. А Шляпников той зимой поездил немало, т.к. его подруга (girlfriend) Александра Коллонтай была навсегда выслана из Швеции. 2 января 1915 г. Шляпников был еще в Копенгагене, между 9 января и 1 февраля – в Стокгольме, в какой-то период после этого – опять в столице Дании, с 5 по 12 февраля – опять в столице Швеции, а в марте в Норвегии.⁷⁹ Вполне вероятно, что знакомство через Богровского с деятельностью ленинской организации в Стокгольме побудило Кескюла обратить внимание немцев на Ленина. Насколько Богровский был связан с Эстонией, вероятно, навсегда останется тайной.⁸⁰ Во всяком случае, он, якобы, знал эстонский язык.⁸¹

Владимир Ленин (1870–1924)

В конце ноября Кескюла был положением доволен. В субботу, 28 ноября, он отправил Ромбергу открытку: «Ситуация развивается благоприятно: Объединение создано. Цель моей поездки полностью достигнута. Теперь слово за Берлином». А. К. обещал уехать сразу, как только вернется коллега Ромберга Райхенау. «Обо всем остальном скоро на словах».⁸² Это слово «mündlich» [устно – нем.] будет в будущем повторяться в его докладах все чаще и чаще.

Видимо, А. К. не знал, что в середине ноября Райхенау отправился на месяц в отпуск в Германию.⁸³ По-видимому, это выяснилось в понедельник, 30 ноября, т.к. тогда он положил открытку в конверт (потому что марка и штемпель на открытке отсутствуют) и добавил письмо, начинавшееся с постскриптума, что он узнал с сожалением, что его превосходительство будет отсутствовать еще неделю или две, и А. К. обещал заполнить свободное время составлением теоретической статьи, которую его попросили написать (кто?) и которая «в осторожной форме будет содержать ту самую программу, которую до сих пор он развивал устно».⁸⁴ Эта статья (Aufsatz) мною не обнаружена. Во всяком случае, ни в этом, ни в следующем письме А. К. этой программы нет.

⁷⁴ Е. Г. Темкин. Бернская конференция ..., с. 14–15.

⁷⁵ А. М. Коллонтай. «Революция – великая мятежница». Избранные письма 1901–1952. Москва, с. 463.

⁷⁶ M. Futrell. Northern Underground, p. 122–124, 126, 129–133, 136–138, 140–141, 146–147, 152.

⁷⁷ А. Шляпников. Канун семнадцатого года, с. 344.

⁷⁸ M. Futrell. Northern Underground, p. 126, 136.

⁷⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, с. 308, 310, 315, 317, 327, 328.

⁸⁰ Vt. K. Jaanson. See kummaline eestlane, lk. 959.

⁸¹ M. Futrell. Northern Underground, p. 141.

⁸² PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248655.

⁸³ I. Schubert. Schweden..., s. 23.

⁸⁴ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 43. Возможно, это – не датированная и не подписанная заметка (которой я не видел, но о которой пишет Поссонни, не указывая точного места в немецком архиве), говорящая о необходимости раздуть в России как национальные движения, так и «внутреннюю революцию» и рекомендуемая вступать для этого в контакты с финнами и латышами. Автор этого меморандума якобы хорошо знает обстановку и революционное движение в России. Но Поссонни считает, что этим автором не может быть Кескюла, поскольку последний, упоминая латышей, не мог обойти эстонцев, с чем можно и согласиться. В записке не выдвигается и кандидатура Ленина. Еще менее убедительно мнение Каткова, что этот текст написан Парвусом (S. T. Possony. Lenin, lk. 176–177). Парвус в это время находился на другом конце Европы, к тому же он не был особенным специалистом по Финляндии или Латвии.

Россия II: 30 ноября 1914 г.

Постскриптум состоял из четырех пунктов. Первый характеризует, видимо, Швецию, второй – Россию, третий – Финляндию и четвертый – положение в Эстонии.

Предполагается, что первая часть описывает Швецию и положение в Швеции, хотя этот пункт сформулирован довольно туманно, в нем констатируется, что ключ от здешнего положения находится в Берлине и до тех пор, пока «нет уверенности, что борьбу против R. [Russland? – К. Я.] решительно и бескомпромиссно не доведут до конца, они сомневаются и, наверное, не без оснований». Вообще создается впечатление, будто Кескюла хочет снять с себя решение какого-то вопроса (и со Швеции), т.к. и следующий абзац на эту тему заканчивается словами: «[...] немцы сами лучше знают, что им надо делать».

Второй пункт посвящен аресту группы делегатов Думы в России. Дело касалось пяти делегатов-большевиков (А. Бадаев и др.), которые были арестованы 18 ноября близ Петрограда во время совещания, в котором принимали участие и некоторые представители партийных организаций.⁸⁵ Депутатов обвинили в предательстве родины и впоследствии судили.⁸⁶ По поводу этого события (которое в то время действительно вызвало интерес) А. К. думал, что оно несомненно важно, но его нельзя переоценивать, и дальше следует фраза, которая формировала историю: «Эти люди направления господина Ленина (Берн), и если действовать ловко, из этого можно сделать больше, чем соответствующие личности сами желают». («Es sind die Leute von der Richtung des Herrn Lenin (Bern) – aber wenn man geschickt ist kann man daraus mehr machen, als die Betreffende selber wollen».)⁸⁷ Это первое упоминание имени Ленина в до-

кументах имперской Германии! Все! Дальше речь идет уже о Георгии Плеханове и о том, что вопреки первоначальным слухам, будто он является противником войны, он также является сторонником русско-французского союза.

В данном контексте А. К. скорее предостерегает от переоценки большевиков, а не ставит их в пример. Во-первых, примечание об использовании большевиков, скорее побочное замечание, сделанное, наверное, без всякой глубокой мысли, которую в дальнейшем историки раздули, к тому же написанное в письме Ромбергу в Берн, а не в Берлин. Конечно, мы не знаем, о чем шла речь с глазу на глаз. Из этого отрывка можно сделать как заключение о том, что, говоря, в общем, о русских социал-демократах, говорили и о Ленине, так и о том, что такого разговора еще не было. Однако это замечание могло вызвать интерес у немцев, и в дальнейших устных разговорах последние могли интересоваться Лениным более подробно. Или А. К. дал немцам идею? Но существует, конечно, и возможность, что замечание это было сделано коварно, служило приманкой немцам, чтобы возбудить в них интерес. Так, по-видимому, думают Ричард Пайпс и те историки, которые убеждены, что А. К. был агентом Ленина, что они встречались не однажды и т.д.⁸⁸ Точно следующее: это первое упоминание Ленина в архивах Германии, и до выступления Александра Гельфанд-Парвуса в Стамбуле оставалось еще около 40 дней.

В отношении Финляндии А. К. считал, что в октябре она была еще «русофилом» (подчеркнуто им). В отношении Санкт-Петербурга он подозревал, что оттуда пытаются спровоцировать финнов на восстание, чтобы таким образом предотвратить угрозу создания Большой Швеции: сейчас это восстание

⁸⁵ V. I. Lenin. Teosed, 21. kd., lk. 429.

⁸⁶ Там же, lk. 147–152.

⁸⁷ РААА, Wk, 11с, secr., Bd. 3, Bl. 43. Участников конференции арестовали в Петрограде в тот момент, когда они приступили к обсуждению ленинских тезисов о войне (А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Москва, 1954, с. 370, 375).

⁸⁸ A. Moorehead. The Russian Revolution. New York, 1958, p. 119, 122–123, 126; S. T. Possony. Lenin, lk. 177–178; Р. Пайпс. Русская революция. Часть вторая. Москва, 1994, с. 51–52.

еще можно погасить, но через четыре – шесть месяцев это будет уже не так просто. Но это восстание революционизирует и Эстонию, Ингерманландию и Северную Лифляндию: «Все, что касается Финляндии, вызывает у эстонцев сочувствие».⁸⁹

Сообщения об Эстонии начинаются с заметок о Петербурге, дальше речь идет о Нарве, Таллинне и более подробно о Сааремаа (где очень бояться высадки немцев): о Курессааре, Мустъяла, Кихельконна (где строился порт для торпедных катеров). Письмо вновь заканчивается обещанием «Mündlich mehr» [С глазу на глаз – более. – нем.]⁹⁰

ОТНОШЕНИЯ С ПОСОЛЬСТВОМ В СТОКГОЛЬМЕ

Отношения А. К. с посольством Германии в Стокгольме начинались не особенно гладко.

16 октября посол Райхенау отправил Бетманн-Хольвегу письмо, в котором информировал, что к нему явился эстонец Александр Кескюла, представившийся ученым экономистом, и сразу стал требовать денег. Он показался человеком, «не вызывающим доверия» и «фантастом». Финн Йонас Кастрен «самым решительным образом посоветовал послу с ним не связываться, поскольку у них в Финляндии бывали с эстонцами очень дурные случаи». Райхенау заявил, что не будет связываться с этим человеком, пока не получит официальной информации о его прошлом и благонадежности: «Мне невозможно удовлетвориться лишь его собственными словами». Письмо пришло в министерство иностранных дел 18 октября.⁹¹ Слова посла были взвешенными, если учитывать, что его нервозность в то время многим бросалась в глаза и явилась в какой-то мере причиной,

по которой он вскоре вынужден был покинуть пост и службу. Уже в начале октября пресс-атташе министерства иностранных дел Швеции заметил, что нервозность посла настолько велика, насколько мала его решимость.⁹² В октябре заметили свержительность и изнуренность Райхенау, в ноябре он отправился из Стокгольма на месяц в отпуск, откуда вернулся несколько более спокойным.⁹³

О нервозности посла свидетельствует и то, что в тот же день 18 октября когда письмо пришло в Берлин, за ним последовала телеграмма, сообщавшая, что эстонец Александр Кескюла вновь явился и попросил денег. «Должен ли я давать ему денег и сколько?» – спрашивал посол.⁹⁴ Из Берлина на письмо Райхенау ответили лишь 22 октября, проинформировав о контакте А. К. с Ромбергом.⁹⁵ По-видимому, ответ прибыл в столицу Швеции в тот же день, но как разрешились денежные проблемы, до конца не ясно, а письмо А. К. Ромбергу, датированное тем же числом, содержит только положительные отзывы о Райхенау, который оказал дружескую поддержку и дал совет опытного человека.⁹⁶ Свои первые деньги от Райхенау А. К. все-таки получит лишь в декабре. Немцы деньгами не разбрасывались.

Если не в октябре, то не позже середины декабря, мнение Райхенау о Кескюла диаметрально изменилось. В телеграмме, отправленной 17 декабря государственному канцлеру, он пишет об А. К. только похвальные слова. Он проинформировал, что А. К. в ближайшие дни собирается ехать в Швейцарию, чтобы устроить там свои дела перед переселением в Стокгольм и отправить некоторых своих единомышленников в Россию для обработки революционных настроений и деструктивной деятельности. Посол больше не спрашивает у Берлина разрешения на выдачу

⁸⁹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 43.

⁹⁰ Там же, Bl. 44.

⁹¹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 12.

⁹² I. Schubert. Schweden..., s. 23.

⁹³ Там же.

⁹⁴ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 2, Bl. 8.

⁹⁵ Там же, Bl. 21.

⁹⁶ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248649.

денег Кескюла. Он лишь сообщает, что для получения представления о благонадежности и пригодности последнего к использованию приходится рисковать десятками тысяч марок (для чего просит подтверждения), и тут же добавляет, что у него создалось впечатление, что это себя оправдывает: «Во всяком случае, мы не можем не подвергнуть этого человека испытанию, поскольку его чуть профессорские, медлительные рассказы содержат много практических и полезных мыслей». Посол пишет, что он попросил Кескюла представиться в Берлине в министерстве иностранных дел и разработать там свои планы. Он посоветовал принять его дружески и выказать ему доверие, не связывая себя при этом обязательствами. Время отъезда А. К. он обещал сообщить позже.⁹⁷

26 декабря он телеграфировал заместителю министра, что эстонец Александр Кескюла выезжает сегодня вечером в Берлин, где выйдет на Эйхендорфштрассе 4-II «bei Schmitz» и будет ждать сообщений. Посол просил замминистра лично принять Кескюла и провести с ним переговоры. «Мы должны занять в отношении него конкретную позицию, потому что эстонцы нуждаются в нас [подчеркнул Райхенау – К. Я.] для того, чтобы сломить верховную власть России, и мы готовы их в этом поддержать, в то же время мы не должны себя ничем связывать». Одновременно он советовал свести А. К. и с генеральным штабом, чтобы определить, как он сможет лучше всего поддерживать немецкие военные операции. «Его деятельность, по мнению (слово подчеркнуто послом) Райхенау, могла бы достигать, в основном, до разгрома железных дорог, подстрекательства к беспорядкам и так далее».⁹⁸ Здесь этот мотив проявляется сильнее всего. В дальнейшем мотив этот

слабеет (если только не связывать его с планами на заводы Блауберга и Путилова, о чем ниже) и затем исчезает совсем из отношений А. К. с немцами.

Благосклонное отношение Райхенау принесло Кескюла в дальнейшем мало пользы, поскольку практически посол был уже списанным человеком. По сравнению с самим министерством иностранных дел, Райхенау был более решительно настроен на втягивание Швеции в войну.⁹⁹ Более дальней целью для него было включение Швеции в состав немецкого Рейха наподобие Бадена и Вюртемберга.¹⁰⁰

Однако активность Райхенау в скором времени привела к тому, что в середине декабря король Швеции Густав V просил в частном письме кайзера Германии Вильгельма II в интересах отношений обоих государств отозвать Райхенау, поскольку его доклады Берлину считались тенденциозными и не вызывали доверия.¹⁰¹ Акции посла в Берлине были невысоки и к нему там относились скептически.¹⁰² В начале января 1915 г. Райхенау был отозван и отстранен от активной службы. Он покинул Стокгольм 17 января 1915 г.¹⁰³

Последователь Франца фон Райхенау, родившийся в 1869 г. Хельмут фон Луциус, был, напротив, сторонником дальнейшего нейтралитета Швеции и сепаратного мирного договора между Германией и Россией.¹⁰⁴ С 1909 по 1914 г. Луциус работал советником посольства в Петербурге под руководством посла графа Фридриха фон Порталеса. В начале войны Луциус был генеральным консулом в Дурресе, тогдашней столице Албании, но в начале сентября его отозвали и направили в Стокгольм, куда он прибыл уже в начале октября.¹⁰⁵ У Луциуса не было никакого идеализированного представления о шведско-

⁹⁷ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 65.

⁹⁸ Samas, Bl. 80.

⁹⁹ W. M. Carlgren. Neutralität oder Allianz, s. 22.

¹⁰⁰ I. Schubert. Schweden..., s. 15.

¹⁰¹ W. M. Carlgren. Neutralität oder Allianz, s. 72–73.

¹⁰² I. Schubert. Schweden..., s. 24; W. M. Carlgren. Neutralität oder Allianz, s. 74.

¹⁰³ Там же, s. 25, 30.

¹⁰⁴ Там же, s. 75.

¹⁰⁵ Там же, s. 27.

германских отношениях. Если он и видел их через какую-то призму, то, скорее всего, политико-экономическую.¹⁰⁶ Невзирая на это, его отношения с А. К. были равными.

В Берлине

С нового года А. К. был уже в Германии. 2 января он посылает Ромбергу новогоднее поздравление на открытке, на которой картинка с текстом «Gruss vom Truppenübungsplatz Alten-Grabow» и текст: «Konzentrationslager Alten-Grabow b. Magdeburg». Там находился лагерь русских военнопленных.¹⁰⁷

Он рапортует, что все задания в Германии успешно завершены.¹⁰⁸ Зная привычку А. К. посылать открытки с видами мест, где он находился или которые имели для него какое-нибудь значение, можно смело предположить, что в тот момент он находился там. 6 января он был уже в Берлине, по адресу: «Hotell Baltic gegenüber den Stettiner Bahnhof Invalidenstrasse 120–121», откуда обещает выехать в Швейцарию, как только уладит дела с Надолни.¹⁰⁹

Курт Рицлер (1882–1955)

Все письма, связанные с Кескюла, послы адресовали государственному канцлеру Бетманн-Хольвегу, который одновременно был и официальным министром иностранных дел. Возникает вопрос, доходили ли они до его стола и каким образом. Возможно, что параллельно с министерством иностранных дел с ними мог знакомиться помощник канцлера Курт Рицлер. Прямых доказательств

этого, к сожалению, нет. Можно доказать это приблизительно, но это логическое размышление уведет нас очень далеко в сторону от главной темы, поэтому предпочту когда-нибудь вернуться к этому вопросу отдельно.

Деятельность Рицлера была довольно обширна. Он писал канцлеру доклады, занимался проблемами революционизации, а также вопросами внутренней политики Германии. Он работал в тесном контакте с канцлером. Его называли еще и частным секретарем Бетманна. Точнее всего было бы определить его служебные обязанности как обязанности референта по ведению политической войны¹¹⁰ или же правой руки канцлера в этих вопросах. До того как стать канцлером, Бетманн очень мало занимался внешней политикой, и его неопытность в международных отношениях была причиной того, что он опирался на Рицлера.¹¹¹ Бетманн и Рицлер часто обсуждали проблемы правления и особенно проблемы внешней политики.¹¹² Какие вопросы и как рассматривал Рицлер, можно узнать со страниц его дневника.

В 1972 г. немцы собрали воедино духовное наследие Рицлера: дневники, статьи, самые важные документы. Главной новостью был его дневник – сделанные наскоро в блокнот или записную книжку, иногда просто на отдельных листках бумаги карандашом спонтанные заметки о людях, впечатлениях, мыслях, настроениях. Сам он распорядился уничтожить их после своей смерти. После долгих колебаний было все-таки решено волю усопшего не выполнять. Его заметки были тем более важны, что архив самого государственного канцлера погиб в годы Второй мировой войны.¹¹³

¹⁰⁶ Там же, s. 29.

¹⁰⁷ Е. Г. Темкин. Бернская конференция..., с. 115.

¹⁰⁸ РААА, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248662.

¹⁰⁹ РААА, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 91. Время пощадило это здание. Сейчас здесь находится дом престарелых – *Senioren domicil*.

¹¹⁰ K. Riezler. Tagebücher. Aufsätze, Dokumente. Eingeleitet und herausgegeben von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen, 1972, s. 55.

¹¹¹ W. C. Thompson. In the Eye of the Storm. Kurt Riezler and the Crises of the Modern Germany. Iowa, 1980, p. 22–23.

¹¹² Там же, p. 7–11.

¹¹³ K. Jaanson. Kurt Riezleri *Mitteleuropa*. – *Diplomaatia* 2003, № 1, s. 15.

Настоящим же мотивом деятельности Рицлера было оценивание возможностей заключения мира. Впервые это прозвучало в разгар сражения при Марне. С тех пор он стал докладывать канцлеру, какими он представляет себе условия мира.¹¹⁴ Дневник свидетельствует, что в новогоднюю ночь 1914–1915 гг. мысли Рицлера были заняты Россией. 22 ноября он долго рассуждал о России и возможностях превращения Германии в её вассальное государство. Это повторилось и четыре дня спустя и в начале декабря. 23 декабря он думает о возможности мира с Россией, а 11 января он задает себе вопрос: не сепаратный ли мир с Россией? Тут же он сетует на свою беспомощность в подготовке русской революции и необходимость увеличить число польских евреев в русских мятежах, что было очень важно и политически, т.к. в любых возможных переговорах Россия занимала бы лучшую позицию. 26 января на повестке дня все еще стоит возможность русской революции.¹¹⁵

Рудольф Надолни (1873–1953)

Несомненно, среди тех, с кем А. К. общался в Берлине, был и Рудольф Надолни – посол Германии в Москве в 1933–1934 гг. Я когда-то писал, что, возможно, именно от Кескюла он получил первые сведения о большевиках.¹¹⁶ Теперь это установлено точно. Не позднее, чем с января 1915 г. капитан Надолни, бывший первым «предводителем» *Sektion Politik*, которого посол ФРГ в Москве в 1950 г. Ханс Кролл называл своим другом,¹¹⁷ находился в тесном контакте с Александром Кескюла. 5 января 1915 г. А. К. писал некоему профессору М.Р. Вейерманну в Берн, что его здешние дела с капитаном Надолни устроены.¹¹⁸ Из других источников следует, что отношения с Надолни начались при посредничестве Циммерманна.¹¹⁹

Подстрекательской деятельностью (*Aufwiegelung*) в кайзеровском государстве занимались две организации: министерство иностранных дел и вышеназванная *Sektion Politik* (секция политики), подчиненная политическому отделу при генеральном штабе.¹²⁰

¹¹⁴ K. Riezler. Tagebücher, s. 55–56.

¹¹⁵ Там же, s. 228–229, 230–231, 232, 233, 235, 237, 239, 240, 241, 243.

¹¹⁶ Maaleht 24.09.1998.

¹¹⁷ H. Kroll. Lebenserinnerungen eines Botschafters. Kiepenheuer & Witsch, Berlin, 1968, s. 66. В крупном государстве при серьезной политической культуре дипломатическая преемственность сохраняется с течением времени при разных режимах и смене власти.

¹¹⁸ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 91. Стоит отметить, что многие отправленные А. К. профессору Вейерманну почтовые открытки почему-то в начале 1916 г. (если не раньше) попали в составленное на Александра Кескюла досье в немецком посольстве в Берне. Досье носило название «Kesküla und russische revol. Propaganda (K.R.)», сверху крупно, красным карандашом написано «Kes.» и подчеркнуто красным (PAAA, Secret 11, Varia III, 1). Был ли проф. Вейерманн почтовым ящиком? Не знаю. А. К. слушал лекции профессора Вейерманна (PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248691). Письма были все же личного характера.

¹¹⁹ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248667.

¹²⁰ G. Katkov. German Political Intervention..., p. 70. По сравнению с британским, французским и российским аналогом германская секретная разведка до Первой мировой войны только создавалась. В начале XX века разведка кайзеровской Германии состояла из дюжины офицеров, в орбиту интересов которых могла входить только армия соседних государств и ничего больше. Армия не должна была вмешиваться в политику, в том числе в области разведки, за этим зорко следили и МИД, и партии. В Германии не было политической разведки. Сбором различной информации занимался МИД. При этом между МИДом и военными организациями не существовало сотрудничества в области разведки. Генеральный штаб начал создание самостоятельной инфослужбы лишь в 1912 г. Соответствующий орган назывался отдел III В, к началу Первой мировой войны в нем работало около 80 офицеров, которые только учились своей профессии. Особую трудность представляла разведка в российском направлении, мешал и языковой барьер и огромные территории России (G. Buchheit. Der deutsche Geheimdienst. Geschichte der militärischen Abwehr. München, 1966, s. 18–22). Кроме того, Берлин долгое время относился к России лояльно, что выражалось, в частности, в том, что давние союзники Германия и Австро-Венгрия объединили усилия по сбору касающейся России информации только в 1910 г., т.е. практически на время ▶

Министерство иностранных дел осуществляло общее руководство, там решали, какие мятежные движения в той или иной стране необходимо поддерживать. Оперативная работа ложилась на плечи специального отдела генерального штаба, деятельность которого финансировало в основном министерство иностранных дел, последнее снабжало агентов и необходимыми документами.¹²¹

Военным по-прежнему не очень доверяли, Рудольф Надолни был карьерным дипломатом, попавшим на эту должность в связи с началом войны.¹²³ В то же время у *Sektion Politik* были тайны от министерства иностранных дел. Так, например, оно не знало ничего о тайных связях деятеля швейцарского рабочего движения Роберта Гримма с «секцией».¹²⁴ Архив содержит десятки документов Надолни о Кескюла и для Кескюла. Но в воспоминаниях немца бессмысленно искать имя Александра Кескюла. Опыт работы в России у Надолни уже был. С 1903 по 1907 г. он работал в консульстве Германии в Санкт-Петербурге.¹²⁵

Уже в первую военную осень усилия по революционизации Берлин все больше сосредоточивал на России, охватывая пространство от Финляндии до Закавказья, но с одним исключением. И этим исключением была Балтика, причем Балтика в узком по-

нимании – области, населенные эстонцами и латышами. К Литве относились немного иначе, не говоря уж о Финляндии, которая являлась средоточием определенных напряжений. Причиной такого различия было, во-первых, нежелание устраивать неприятности здешнему высшему классу – балтийским немцам, во вторых, желание, в случае победы, присоединить эти области к Германии.¹²⁶

Проверка продолжалась. Хотя А. К. и считал, что его отношения с Надолни налажены, последний десятью днями позже отправил телеграмму в Берн, спрашивая, знают ли там русского Александра Кескюла, кажется ли он достойным доверия и есть ли у него влияние в среде революционеров.¹²⁷

Основную часть материалов первых месяцев 1915 г., связанных с А. К. и Надолни, составляет переписка, посвященная некоему Александру Блаубергу и планам относительно заводов Путилова. Эта история сама по себе может составить маленькую статью. Но на данном этапе кажется, что действия А. К. были направлены на то, чтобы помочь земляку, с которым они вместе слушали лекции в Швейцарии, чтобы тот смог выбраться из лагеря военнопленных или интернированных в Германии¹²⁹ и уехать на родину. История заканчивается в марте, когда А. К. узнает, что Блауберг прибыл в Россию и что два его

► жизни одного поколения позже создания Тройственного союза. Эта договоренность улучшила положение частично. У Австрии был более давний и большой опыт в отношении России, но Вена была бедна, ей не хватало средств на всестороннее развитие разведывательности. Основу их специалистов по России составляли поляки и украинцы, которые знали о происходящем на их территориях, но остальная Россия оставалась вне их интересов. (S. T. Possony. Lenin..., s. 134). Кроме того, с началом войны разрушились создавшиеся сети и все пришлось начинать с начала (A. Moorehead. The Russian Revolution, p. 113).

¹²¹ G. Katkov. German Political Intervention..., p. 72.

¹²² Там же, lk. 71; S. Zetterberg. Die Liga..., p. 49.

¹²³ R. Nadolny. Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955, s. 40.

¹²⁴ G. Katkov. German Political Intervention..., s. 72–73.

¹²⁵ R. Nadolny. Mein Beitrag, s. 18–22.

¹²⁶ F. Fischer. Deutsche Kriegsziele. Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914–1918. – Historische Zeitschrift 1959, Bd. 188, s. 296–297.

¹²⁷ PAAA, Auswärtiges Amt. Geheime Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen. Wk, 11c, secr., Bd. 4, Bl. 14.

¹²⁸ Там же; PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 4, Bl. 14, 28, 32, 39, 60, 113; PAAA, Auswärtiges Amt. Geheime Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen. Wk, 11c, secr., Bd. 5, Bl. 13, 17; PAAA, Auswärtiges Amt. Geheime Akten betreffend den Krieg 1914. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finland und den russischen Ostseeprovinzen. Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 7.

¹²⁹ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248691.

письма ждут Кескюла в Стокгольме. Из-за этих писем А. К. снова едет через Берлин в Стокгольм, по дороге навестив и министерство иностранных дел.¹³⁰ Во всяком случае, заводы Путилова остались целы, но эта проблема не стала причиной непонимания между А. К. и Берлином.

Россия III: 19 января 1915 г.

19 января только что прибывший в Цюрих А. К. отправляет Ромбергу написанное от руки письмо, в котором комментирует приложенный документ (в хранилищах не найден), выведший его из себя.

По словам А. К., документ иллюстрирует его прогнозы относительно русской (*moskovit.*) демократии и представляет собой призыв к народной революции в России. По оценке А. К., в русской демократии возникло положение гражданской войны, поэтому А. К. проводит параллели с ситуацией в Социалистическом Интернационале в августе 1914 г.

Коварство и подлость наступления, по Кескюла, характеризуют русскую «культуру». Все это вызвало у него тошноту: «И все же – это только начало...» Кажется, что это что-то, связанное с Украиной, т.к. А. К. продолжает, что он решительно встает на

сторону украинцев и что это противное наступление доказывает опасность для России украинского движения, которое до сих пор надменно игнорировали. А. К. обещает вернуться к этой теме устно.¹³¹ Возможно, этот документ навел А. К. на мысль прежде переезда в Скандинавию съездить в Вену.

Украина

Он едет туда, чтобы проконсультироваться с деятелями Бунда, утверждает Поссоны.¹³² Предположение, что речь идет о «Бунде» – созданном в 1897 г. в Вильнюсе Общем союзе рабочих-евреев России, Польши и Литвы, – видимо, все-таки неверно. Во-первых, в архивных документах речь идет только об украинской организации или центре.¹³³ Во-вторых, и Сенн считает, что А. К. поехал в Вену налаживать контакты с украинцами.¹³⁴ В-третьих, Мурхед, написавший соответствующую главу в основном (или полностью) по материалам Поссоны, расширил название Бунда («Союз освобождения Украины»), назвав одним из его лидеров социал-демократа Мариана Меленевского.¹³⁵

Какие-то связи с украинцами у Кескюла были еще до его первой поездки в Швецию.¹³⁶

¹³⁰ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 7.

¹³¹ PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248664-6.

¹³² S. T. Possony. Lenin, p. 176.

¹³³ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 4, Bl. 113.

¹³⁴ A. E. Senn. The Russian Revolution in Switzerland, 1914–1917. The University of Wisconsin Press, 1971, p. 63

¹³⁵ A. Moorehead. The Russian Revolution. p. 115, 288.

¹³⁶ См. PAAA, Secret 11, Varia III, 1, Bl. 248651. В связи с этой поездкой А. К. в Вену и с его передвижениями в 1915 г. не могу не отметить синхронность, на которую я обратил внимание еще до беседы в феврале 1998 г. с профессором Хуаном Линцем, говорившим о Брокаве Расинове (см. K. Jaanson. Juan Linz ja eestlane Aleksander Kesküla. – Akadeemia 2002, nr. 2, lk. 248–249). Я имею в виду синхронные передвижения А. К. и Якоба Фюрстенберга – он же Ганецкий, он же Ханек – в 1915 г. По данным Гаутчи, 22 февраля 1915 г. Ханек с женой и сыном приехал из Вены в Цюрих. Не исключено, что Ханек пробыл некоторое время в Цюрихе и до этого, но это ничего не меняет в моих догадках. А именно, Ленин уже 9 февраля 1915 г. отправил Ганетскому в Цюрих письмо, но в советское время это письмо почему-то не публиковалось, т.к. «Биографическая хроника» лишь ссылается на архив (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, с. 318). Опубликовано письмо от 17 февраля (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, с. 321–322). Примерно, в это же время в Швейцарию вернулся и А. К. Из Швейцарии Ханек уехал в октябре 1915 г. (W. Gautschi. Lenin als..., s. 327). В это же время и А.К. обосновался в Стокгольме (Yale University Library. Manuscripts and Archives. Kesküla Papers. Group 311, box No. 3). Возможно, что они жили в 1917 г. в Стокгольме по соседству? (См. M. Futrell. Northern Underground, p. 195.) Не исключено, конечно, что на меня влияют теории заговора.

Россия IV: 24 февраля 1915 г.

24 февраля 1915 г. Ромберг информирует Берлин в совершенно секретном письме о том, что А. К. рассказывал ему о своей деятельности в Швейцарии. О русских социалистах у него создалось впечатление, что они считают своей главной задачей в Швейцарии раскол немецких социал-демократов и привлечение их к идее мира, т.е. они опосредованно делают то же дело, что и правительство России. Лишь крайнее крыло делает ставку на победу Германии. А. К. не надеялся ни на какую помощь нациям со стороны русских социал-демократов; в крайнем случае только от того же крайнего крыла. А. К. поехал в Вену с целью налаживания связей с украинским центром и встретил там поддержку идеи о совместном создании объединения всех нерусских народов России. К полякам он поначалу не обращался, но их представитель из краковского центра сам нашел его и предложил сотрудничество.

Результатом встреч с разными сторонами была договоренность об организации переговоров, видимо, в Швейцарии, в которых должны были принять участие представители Польской социалистической партии из Кракова, украинцы, эстонцы, белорусы, литовцы, российские румыны и, возможно, финны. Целью этих переговоров должна была стать разработка программы конгресса, который, по предложению Кескюла, следовало созвать в Стокгольме. Конгресс должен создать блок народов, который будет существовать и после заключения мира, до полного освобождения от российского ига.¹³⁷

По окончании предварительных переговоров А. К. собирается сразу же вернуться в Стокгольм и надеется, что агитация среди его соплеменников уже сыграла свою роль, и он сможет приступить к выполнению практических задач. Посол не мог не отметить, что новости Кескюла из России не

подтверждают надежд верховного раввина Таггера.¹³⁸

Россия V: 6 марта 1915 г.

6 марта посол снова беспокоит государственного канцлера. А. К. получил из Петербурга сведения, схожие со сведениями Таггера. Патриотическое направление решительно теряет популярность среди социал-демократов. Тамошние рабочие против войны. Около тысячи рабочих арестовано и сослано; проверенная практика правительства способствует распространению движения по всей стране. А. К. вновь указывает на агитацию, которую иностранцы и местные социалисты в Швейцарии проводят среди находящихся в стране немецких рабочих. Если эти рабочие вернутся в Германию – по призыву в армию или по иной причине, – они будут распространять эти взгляды. Ромберг, по его словам, тайно указал на это авторитетным немецким социал-демократам.¹³⁹

Парвус (1867–1924)

В отличие от эстонца Александра Кескюла, совершенно не известного немцам, которому приходилось доказывать свою состоятельность, Александр Гельфанд (Хельфанд) был хорошо знаком немецким властям.

Родившийся в Минской губернии еврей получил среднее образование в Одессе, а в 1887 г. покинул родину на двенадцать лет. В 1888 г. он поступил в Базельский университет, где в 1891 г. защитил докторскую диссертацию. Переехав в том же году в Германию, он стал активным участником социал-демократического движения. Его первые статьи появились в изданиях этой партии в конце года.¹⁴⁰ Через два года прусские власти вы-

¹³⁷ См. также K. Jaanson. Eestlane Aleksander Kesküla ja Rahvuste Uniooni III konverents Lausanne'is 1916. aastal. – Akadeemia 2000, № 9, lk. 1834.

¹³⁸ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 5, Bl. 100–101

¹³⁹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 5, Bl. 125.

¹⁴⁰ З. Земан и В. Шарлау. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991, с. 13, 17, 18, 21, 23, 26, 29, 31.

слали его из Берлина за революционную пропаганду.¹⁴¹

Затем Гельфанд выпускал рабочие газеты в Саксонии, при его поддержке в революцию пришла молоденькая Роза Люксембург. Гельфанд открыл в социал-демократической прессе дискуссию о тактике социалистов.¹⁴² С 1894 г. он пользовался псевдонимом Парвус.¹⁴³ До 1898 г. его преследовали саксонские власти, что заставило Парвуса перебраться в столицу Баварии Мюнхен.¹⁴⁴ В это же время у него вновь проснулся интерес к родине. В мае 1899 г. он предпринял (с фальшивым паспортом) многомесячную поездку по России, с целью изучения пораженных голодом районов. В результате этой поездки он написал книгу.¹⁴⁵

Вернувшись из России, он стал теснее общаться с русскими эмигрантами, одним из них был Владимир Ульянов, который еще в ссылке называл Парвуса «талантливым немецким публицистом». Парвус помог эмигрантам наладить выпуск «Искры», первой всероссийской газеты революционеров-марксистов. Благодаря Парвусу редакция газеты обосновалась в Мюнхене.¹⁴⁶ Живя в столице Баварии, Ленин и Крупская общались в основном с Парвусом.¹⁴⁷

Но в 1905 г. Парвус уехал из Мюнхена в Россию – в Санкт-Петербург, куда прибыл как раз ко времени Октябрьской стачки, став вместе с Троцким руководителем петербургского комитета. Он уехал вовремя: остаться он в Германии, его бы выслали из Баварии.¹⁴⁸ Октябрьская стачка была подавлена, полиция поймала Парвуса в апреле 1906 г., его выслали на три года в Туруханск. Он отправился в путь 4 сентября, но,

напоив конвой, бежал до прибытия к месту назначения, а в ноябре 1906 г., с чемоданом полным рукописей, пересек российско-немецкую границу, покинув родину теперь уже навсегда.¹⁴⁹

Затем Парвус кружил по Германии, нигде не останавливаясь надолго. Летом 1910 г. он приехал в Вену, оттуда – в столицу Османской империи, намереваясь провести на берегу Босфора три месяца, но прожил там пять лет,¹⁵⁰ сколотив огромное состояние, о происхождении которого существует множество версий, но нет ни одной достоверной.

8 января 1915 г. посол Германии в Константинополе информировал, что Парвус считает, что русские демократы добьются своих целей только путем полной ликвидации царизма и разделения России на небольшие государства. С другой стороны, Германия не добьется полного успеха, если не раздует костер революции в России. Россия будет представлять угрозу и после войны, если не разделить ее на части. Поэтому интересы Германии совпадают с интересами русских революционеров, которые уже начали действовать. Беда в том, что «меньшевики еще не объединили свои усилия с большевиками, которые уже начали действовать», и «он видит свою задачу в создании единства и организации восстания на широкой основе». Поэтому Парвус просил дать ему возможность представить свои планы Берлину.¹⁵¹ Видимо, Парвус не был в курсе происходящего внутри российского социал-демократического движения и не представлял себе глубины раскола между меньшевиками и большевиками.

¹⁴¹ Там же, с. 34.

¹⁴² Там же, с. 42–46.

¹⁴³ Там же, с. 38.

¹⁴⁴ Там же, с. 61–62.

¹⁴⁵ Там же, с. 66–69.

¹⁴⁶ Там же, с. 70–71.

¹⁴⁷ Н. Крупская. Ленин. Москва, 1959, с. 68.

¹⁴⁸ З. Земан и В. Шарлау. Парвус – купец революции, с. 73, 87, 102.

¹⁴⁹ Там же, с. 113, 119–120.

¹⁵⁰ Там же, с. 135, 150, 152.

¹⁵¹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 96. Z. A. B. Zeman. Germany and..., p. 1–2.

Уже через день госсекретарь фон Ягов отдает распоряжение принять Парвуса в Берлине.¹⁵² Через три дня Ягов сообщил МИДу, что на встречу с Парвусом собираются направить Рицлера, но Парвус не должен знать, что Рицлер направлен штабквартирой.¹⁵³

А. К. обратился к Ромбергу в Берне в 1914 г. примерно 7 сентября, т.е. на четыре месяца раньше Парвуса. Но прибытие последнего в Берлин еще откладывалось. Он приехал туда только 6 марта, примерно через два месяца после Кескюла, когда с момента первого контакта А. К. с Ромбергом прошло полгода. К тому моменту, когда Парвус добрался до Берлина, Кескюла, кроме Стокгольма, успел уже побывать в Вене и давно вернулся в Швейцарию.

18-страничный доклад Парвуса «Подготовка к массовой политической стачке в России» датируется 9 марта.¹⁵⁴ Мурхед отмечает, что он стал стратегическим планом Берлина по революционизации России.¹⁵⁵ В то же время немцы передали Парвусу первый миллион марок,¹⁵⁶ что в то время составляло ровно половину предназначенного Германией на российскую революцию бюджета. Организация Парвуса заработала летом 1915 г. Но к тому времени, когда Парвус явился к Вангенхайму, Ленин – истинная цель усилий Берлина по революционизации России – уже не был новостью для Германии.

Не смею утверждать, будто А. К. к этому времени написал для немцев больше документов, чем Парвус, но количество написанных им страниц точно было того же порядка. Не говоря уж о том, что к этому времени А. К. чаще общался с немцами. Но в истории зачастую бывает трудно переломить

сложившиеся представления. Мурхед, первым более подробно писавший о Кескюла, начинает с Парвуса, и лишь затем, нарушая хронологию, переходит к Кескюла, отмечая, что он «столь же полезен и информирован, как Парвус».¹⁵⁷ Так это и осталось в дальнейшем, тем более, что через несколько лет вышла монография Земана и Шарлау, содержащая материалы о Парвусе. О Кескюла до сих пор материалов мало. На сегодняшний день самый адекватный анализ отношений Кескюла и Ленина дал швейцарец Вилли Гаутчи.¹⁵⁸

Россия VI: 14 марта 1915 г.

14 марта Ромберг сообщил государственному канцлеру, что сведения А. К. о русских революционных кругах звучат все заманчивее. Примерно восемь дней назад в Берлине под руководством Ленина состоялась сверхсекретная встреча десяти революционеров, приехавших из Франции и Швейцарии. Все участники, за исключением одного, выступали за поражение России в войне. Это означало полный и чрезвычайно важный поворот в позициях Ленина и его соратников. А. К. считал причиной поворота драконовские меры, которые российское правительство применяло к социалистам – депутатам Думы – и многочисленные аресты в Петербурге, вызвавшие брожение среди рабочих. Теперь и живущие за границей духовные лидеры должны были взять более острый тон. На революционеров в России, которые все больше уважали Ленина, известие о занятой им позиции произвело большое впечатление, как и на тысячи живущих во Фран-

¹⁵² PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 3, Bl. 105.

¹⁵³ Z. A. B. Zeman. Germany and..., p. 2.

¹⁵⁴ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 5, Bl. 126–145; Z. A. B. Zeman. Germany and..., Appendix I, p.140–152; Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. Санкт-Петербург, 2001, с. 124–136.

¹⁵⁵ A. Moorehead. The Russian Revolution, p. 115.

¹⁵⁶ Z. A. B. Zeman. Germany..., p. 3.

¹⁵⁷ A. Moorehead. The Russian Revolution, c. 118.

¹⁵⁸ W. Gautschi. Lenin als Emigrant..., c. 165–191; W. Gautschi. Ein glühender estnischer Patriot. – Max Schweitzer (Hrsg.). Zwischen Tallinn und Zürich. Schweizerisch-estnisches Lesebuch, 2002, s. 131–138.

ции русских. Французское правительство провело многочисленные задержания среди русских, которых отправляли во французскую армию.

А. К. рекомендовал постараться еще больше мобилизовать еврейскую общину против России. Надежнейший способ – дать польским евреям надежду на освобождение и подчеркивать пользу, принесенную ими делу Германии. Это заставит российское правительство применить меры против евреев, что, в свою очередь, вызовет протесты евреев Франции, Англии и Америки. От себя Ромберг добавил, что в России и так уже проявляется недовольство позицией французских евреев, о чем он уже докладывал ранее. А. К. подробнее доложит о своем плане в Берлине при личной встрече, обещает Ромберг.¹⁵⁹ 25 марта Ромберг отправляет в Берлин и написанные Лениным резолюции бернской конференции большевиков. Они появились в печати 29 марта, т.е. на четыре дня позже.¹⁶⁰

Речь идет о так называемой бернской конференции большевиков, проходившей 27 февраля 1915 г. в кафе «Швейцербунд» на Лэнггасштрассе 17.¹⁶¹ Решения Бернской конференции зарубежных секций РСДРП (1915), по оценке советской науки, представляли собой «[...] новый этап в борьбе за революционный выход народов из империалистической войны и за объединение международного рабочего класса под знаменем пролетарского интернационализма».¹⁶² Во время конференции РСДРП имела 12 секций в городах Западной Европы, из них 6 в Швейцарии.¹⁶³ Цюрихскую секцию на конференции представлял Моисей Харитонов,¹⁶⁴ друг Артура Зифельдта. Этот эстонец, родившийся в Таллинне, но выросший в Одессе,¹⁶⁵ был агентом А. К. при Ленине,¹⁶⁶ благодаря ему до Кескюла доходили те сведения от Ленина и о Ленине, которые Мурхед считает переданными лично.¹⁶⁷

¹⁵⁹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 7.

¹⁶⁰ O. Arens. Aleksander Kesküla, lk. 32.

¹⁶¹ А. С. Кудрявцев, Л. Л. Муравьева, И. И. Сиволап-Кафтанова. Ленин в Берне и Цюрихе. Памятные места. Москва, 1972, с. 45–49; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, с. 325.

¹⁶² Е.Г. Темкин. Бернская конференция..., с. 3.

¹⁶³ Там же, с. 83.

¹⁶⁴ Там же, с. 43.

¹⁶⁵ Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов. Репрессированная тюркология. Москва, 2002, с. 110.

¹⁶⁶ См. K. Jaanson. See kummaline eestlane, с. 957–958. Обстоятельство, ставшее мне известным благодаря рассказу Майкла Футрелли, единственного историка, которому А. К. дал интервью и разъяснил роль Зифельдта. До последнего времени дальнейшая судьба Артура Зифельдта была нам неизвестна. Я слышал, что он погиб в 1930-е гг. в автокатастрофе. Но, кажется, в те времена в России гибли только одним способом. Так случилось, что когда эта статья уже была почти дописана, Хальянд Удам (выражаю ему здесь сердечную благодарность) прислал мне копию книги, которая проливает свет на жизнь нашего соотечественника в Закавказье, в Баку и в Тбилиси, и его конец. Занимаясь партийной работой, он все больше склонялся к науке, во второй половине 1930-х до ареста был директором Института языка и литературы. Он владел азербайджанским языком и испытывал глубокий интерес к тюркской культуре. Если русские, евреи и армяне не особенно общались со своими тюркскими коллегами, то Зифельдт относился к этому иначе. Он был арестован 11 февраля 1938 г. Составленная через год – 19 марта 1939 г. – медицинская справка свидетельствует, что он практически здоров, пригоден к физической работе и может вынести жизнь на Севере. Осенью в письме, посланном из Владивостока, Зифельдт выражал надежду, что его отправят в место с более мягким климатом. Но свидетельство о смерти гласит, что он умер 6 декабря 1939 г. на Колыме, диагноз – старческое слабоумие, истощение и сердечная недостаточность. (Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов. Репрессированная тюркология, с. 112–118.) Этот текст уточняет и комментарий к произведениям Ленина о Зифельдте. (См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 49. Письма. Август 1914 – октябрь 1917. Москва, с. 634) Во-первых, он умер не в 1938, а годом позже. Во-вторых, он использовал в качестве второго имени ничего не говорящее эстонцу Симумяс, как утверждает комментарий. Может быть здесь есть намек, непонятный мне?

¹⁶⁷ A. Moorehead. The Russian revolution, p. 119, 122–123, 126.

Женитьба

В период с 24 марта по 14 апреля Кескюла совершил вторую поездку в Стокгольм; ту, которая была вызвана письмами Блауберга и о которой известно меньше всего, а, точнее, – ничего.¹⁶⁸

Когда-то перед этим, вероятно, в последний месяц после приезда из Вены 24 февраля А. К. женился.¹⁶⁹ Поскольку А. К. был уверен, что за ним следят русские шпионы, Ромберг выдал ему и его жене, молодой швейцарке, паспорта на имя Александра Штейна и сопровождающей его Луизы Штейн, урожденной Бергманн. Посол даже не спрашивал на это разрешения, лишь проинформировал Берлин и попросил сообщить об этом пограничникам. Ромберг предупредил «Штейнов», что эти паспорта им придется вернуть в Заснице или Стокгольме. Как уже было сказано, А. К. проездом посетил и Вильгельмштрассе.¹⁷⁰

Не исключено, что жена в это время осталась в Стокгольме. Луиза Штейн упоминается лишь по пути туда, на обратном пути – нет.¹⁷¹ Нет сведений и о том, что она сопровождала А. К. в поездке в Стокгольм в мае.

В связи с этой поездкой Ромберг вновь считал необходимым подчеркнуть, что он по-прежнему убежден в абсолютной лояльности и честности А. К., которого сейчас заботит главным образом то, как он будет возвращать полученные им 10 000 марок (те, что передал ему в Стокгольме Райхенау), которые он считает личным долгом, и переживает из-за того, чтобы, получая впредь деньги, не скатиться до положения продажного агента.¹⁷² Возможно, это был ответ на какой-то запрос из Берлина, ведь теперь, когда А. К. собирался обосноваться в Стокгольме, через него должны были идти большие денежные потоки. По расчетам А. К., он получил от немцев в общей сложности от 200 до 250 тысяч марок.¹⁷³

¹⁶⁸ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 12–15.

¹⁶⁹ Жену он нашел довольно быстро, возможно, был знаком с ней ранее. Использованная сценаристами фильма «Мои Ленины» версия о том, что она была богата – это ложь, необходимая для сокрытия источника денег. В действительности Луиза Бергманн была бедной крестьянской девушкой. Подр.: F. Kull. Mäsumehi ja boheemlasi. Esimesi eesti diplomaate. Tallinn, 1996, lk. 10; информация, полученная из беседы Вилли Гаучи с Кайдо Яансоном и Яаком Лыхмусом 25.10.1998.

¹⁷⁰ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 7, 14. Он представлялся *Киви* в подпольных кругах Прибалтики уже в 1905–1907 г. Но называть его агентурным именем трудно. В отличие, например, от эсера Цивина, когда даже немецкие дипломаты не должны были знать, кто скрывается под кличкой *Вайсс* или *Блау*, в случае Кескюла не было секретом, кто такой Штейн. Он подписывался то *Штейн*, то *Кескюла*.

¹⁷¹ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 13.

¹⁷² PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 7.

¹⁷³ M. Futrell. Northern Underground, с. 148. А. К. заплатил свой долг, 300 000 марок, МИДу Германии 19 сентября 1923 г., оставив последнему для протеста 11,5 месяцев. (Yale University Library. Manuscripts and Archives. Keskula Papers. Group 311, box No. 1.) В тот день 1 миллион немецких марок стоил на Таллинской бирже 2 эстонские марки и 50 пенни (*Päevaleht* 20.09.1923). Номер «*Päevaleht*» стоил 5 марок, буханка хлеба в магазинах Эстонии – 6,50 марок (*Päevaleht* 07.09.1923). Долг Кескюла был менее трети миллиона, значит, на сумму, которую он вернул немцам, можно было купить примерно седьмую часть буханки хлеба, т.е. три-четыре ломтя. 6 сентября 1 миллион немецких марок стоил еще 15 эстонских марок, 18 сентября – 3 марки. Несмотря на трудные времена, точности немцы не лишились. В субботу 13 октября немецкий МИД сообщил Александру Кескюла, что получил его 300 000 марок. (Yale University Library. Manuscripts and Archives. Keskula Papers. Group 311, box No. 1.) В тот день 1 миллион немецких марок стоил на Таллинской бирже 50 пенни (*Päevaleht* 04.10.1923). По сравнению с 10 октября ценность немецких денег не изменялась, но покупателей больше не было (*Vaba Maa* 11.11.1923). Не знаю, были ли тогда в Эстонии такие мелкие деньги, чтобы купить 1 немецкий миллион. Никаких протестов в указанный срок от немцев не поступило, поэтому 1 января 1925 г. Кескюла проинформировал МИД Германии из Цюриха, что их отношения урегулированы. (Yale University Library. Manuscripts and Archives. Keskula Papers. Group 311, box No. 1.) При немецкой педантичности вполне возможно, что и этот документ сохранился где-то в архивах Веймарской республики. Инфляция в Германии продолжалась: 300 бумажных фабрик работали дни и ночи, производя бумагу для денег, и 150 типографий непрерывно печатали деньги. 1 октября 1923 г. газета стоила 100 миллионов марок, через шесть недель в тысячу раз больше – 100 миллиардов (W. Ruge. Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1965, s. 74–75). Подожди А. К. еще несколько недель, вся операция обошлась бы ему дешевле. «*A nice joke*», – писал мне об этой истории Майкл Футрелли (27.08.2003), единственный ученый, которому А. К. когда-то дал интервью.

Россия VII: 3 мая 1915 г.

3 мая Рудольф Надольни передал министру иностранных дел¹⁷⁴ копию заметок Александра Штейна (Кескюла) о революционных организациях в России.¹⁷⁵ Этот документ стоит проанализировать. Ни Хальвег, ни Земан его не репродуцировали. Насколько я знаю, его цитировал только эстонец Олави Аренс.¹⁷⁶

На первый взгляд, заметки кажутся обзором российских революционных организаций, но их можно считать и анализом того, как использовать радикальные революционные организации вообще.

Изложим коротко их содержание. Для понимания внутривластной обстановки в России основополагающими являются две группы проблем, которые тесно переплетаются между собой: национальная проблема и проблема социально-политических реформ. Одна из основных ошибок состоит в том, что при анализе эти два понятия недостаточно разделяются. Общеупотребительное понятие «русская революция» поверхностно для практического воздействия на Россию.

Хотя социально-политические и национальные революции влияют друг на друга, их внутренние тенденции совершенно различны. Суть национальных революционных движений – децентрализация. Национальной революции не обязательно сопутствуют социальные и политические изменения, которых добивается революционное движение, ставящее себе целью прямые политические и социальные преобразования в государстве. Национальная революция направлена против конкретного государства. Социальная революция ведется ради конкретного государства или против государства вообще (анархия).

Поэтому связь с врагом для социально-

революционной партии противоестественна. Если даже социальная или радикально-революционная партия во имя своих интересов пойдет на это, то до определенных пределов. «Возможные космополитичные соображения отдельных выдающихся вождей, желающих осчастливить человечество за счет своей страны, имеют границы [...]. Пока они остаются теоретиками пораженчества на терпеливой бумаге, они могут заходить довольно далеко. Но в тот момент, когда они переходят от теории к практике, они достигают границ своих возможностей. Вместо того, чтобы найти новых сторонников, они по большей части теряют бывших. Поэтому исключено, что серьезная организация, преследующая «только» [подчеркнуто А. К. – К. Я.] социально-революционные цели, отдаст себя во власть внешнего врага». Среди чисто социальных революционеров союзников найти невозможно, однако это не значит, «что их совсем нельзя использовать», добавляет А. К. Социально-революционные организации можно использовать при посредстве влиятельных личностей. Можно использовать и националистические организации, а также социально-революционные организации подавляемых народов – для создания связей с чисто социальными революционерами титульной национальности.

Затем следует обзор российских революционных организаций по состоянию на середину апреля 1915 г. Выделены левые, т. е. фракции Ленина, затем правые социал-демократы, которых Кескюла характеризует в сравнении с ленинской организацией. Об организации Ленина говорится, что она сторона поражения России в войне и гражданской войны в Европе. Влияние она имеет только среди пролетариата на промышленных предприятиях и в крупных промышленных центрах – Петербурге, Москве, Киеве,

¹⁷⁴ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 78.

¹⁷⁵ Там же, Bl. 79–94.

¹⁷⁶ O. Arens. Aleksander Kesküla, lk. 33. К сожалению, он сделал это с ошибками. Можно поспорить о корректности перевода одной фразы. Кроме того, другая фраза пропала полностью, а она очень важна. В оригинале это место звучит так: «Aktivität: Lenin verfügt über die brutalste und rücksichtsloseste Energie. Seine gewissenlose und rücksichtslose Draufgängerei (навязчивость, настойчивость) ist ein Seitenstück zur Orient-diplomatie Russlands. Lenin ist ein echter Moskoviter (Nikolai Uljanoff, adeliger Abstammung) (aus dem Süd-Osten des europäischen Russlands).»

Екатеринославе. Среди представителей национальных меньшинств – у эстонцев (Петербург, Нарва, Таллинн, Пярну); у латышей (Рига и эмигранты за границей); у грузин и армян (Баку). Сильной стороной Ленина он считает его организаторские способности: «Жесткая централизация. Одна из лучших организаций в России. Чудесным образом она всегда имеет деньги». Ленин, по словам Кескюла, обладает самой brutальной и непреодолимой энергией: «Его бессовестный и жесткий напор – побочный продукт восточной дипломатии России. Ленин настоящий москвит [...]»¹⁷⁷ В этих словах можно услышать предостережение, даже не зная последующих событий. А еще более – зная.

Названного документа, вероятно, не видел и Ричард Пайпс, выразивший мнение, что А. К. – агент Ленина у немцев и что они неоднократно встречались, так как трудно представить, что агент Ильича охарактеризовал бы своего хозяина такими словами.

*

В пятницу, 14 мая 1915 г., министерство иностранных дел выдало Александру Кескюла паспорт на имя Александра Штейна: «Возраст: 33 года; рост: средний; волосы: светлые; глаза: серо-голубые; лицо: округлое. Особые приметы: никаких».¹⁷⁸ 18 мая он уже ехал с этим паспортом в Стокгольм, чтобы обосноваться там надолго.¹⁷⁹ Через некоторое время (примерно, в конце мая) в Берне произошла единственная известная встреча Ленина и Парвуса во время Первой мировой войны. Единственный ее свидетель и комментатор – эстонец Артур Зифельдт. Но он видел лишь ее начало, а прокомментировал только со слов Ленина.¹⁸⁰

¹⁷⁷ PAAA, Wk, 11c, secr., Bd. 6, Bl. 83.

¹⁷⁸ Yale University Library. Manuscripts and Archives. Keskula Papers. Group 311, box No. 3.

¹⁷⁹ K. Jaanson. Aleksander Kesküla and Sweden 1914–1918. Scandia 2003.

¹⁸⁰ M. Futrell. Northern Underground, p. 173; Z. Zeman, W. Scharlau. The Merchant of Revolution, p. 189–190.

Кайдо Яансон

1940

Кандидат исторических наук (1975), доцент международных отношений Тартуского университета.

Область исследований: международные отношения в регионе Балтийского моря.

kaido.jaanson@ut.ee